

Маша Ловыгина

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022

ЛОНГ-ЛИСТ

ЛитРес:

Нет в лесу
страшнее зверя

Маша Ловыгина

Нет в лесу страшнее зверя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67514751

SelfPub; 2022

Аннотация

Старая тайна – как глубокая заноза. Только забываешь о ней, а она тут как тут – саднит, воспаляется, мешает жить. Понимаешь, что надо вскрыть и вытащить ее наружу, но все почему-то твердят о том, что ничего не было, и ты все придумала... Чтобы разобраться и понять, что произошло с ней в детстве, Полина Скороходова отправляется с киноэкспедицией в глушь Вологодской области. Что же случилось с девочкой Шушей? И кто он, тот парень, которого она не может забыть уже много лет?

Содержание

1	5
2	9
За три дня до этого.	9
3	17
4	26
5	35
6	43
7	53
8	64
9	69
10	75
11	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Маша Ловыгина

Нет в лесу страшнее зверя

Книга является художественным произведением.

Все имена, персонажи, места и события, описанные в романе, вымышленные или используются условно.

Микроавтобус трясся, двигаясь по полуразрушенной бетонке. Свет фар едва пробивал плотную ночную мглу. В водительское стекло то и дело с громким стуком бились ночные насекомые. Скорость была небольшой, едва ли за сорок, но ночные мотыльки неслись навстречу своей гибели, словно замороженные. Дорога была пустынной – ветка от основной трассы, окруженная высоченной стеной густого леса.

Водитель микроавтобуса – плотный кражистый дядька что-то бубнил себе под нос и, чуть подавшись вперед, выкручивал руль, чтобы обойти разбитые участки и не попасть колесами в зазор между бетонными плитами.

Полина открыла глаза и подтянула кофту, которую использовала в виде пледа. Приложив ладонь к стеклу, она попыталась разглядеть хоть что-нибудь, но ночь была черна и холодна. Впрочем, эта дорога и так навсегда врезалась в память. Правда, несколько лет назад основная трасса тоже была на редкость ужасна. Сейчас, когда области наконец договорились, и каждая привела свой участок в порядок, ездить по ней стало одно удовольствие. Что же касалось вот таких параллельных веток, то до них, судя по всему, руки у властей дойдут еще не скоро. Если вообще дойдут. Деревни вымирают, реки мельчают, поля зарастают бурьяном и борщевиком...

По раздолбанной бетонке нужно было ехать километров сто, а если двигаться с комфортом по федеральной трассе, то приходилось делать большой крюк. Вот все и пользовались кривыми дорожками, чтобы сэкономить пару часов.

Водитель был опытным. Знал, что в этих лесах водятся лисы и кабаны. Они с Кушнером часа полтора обсуждали разные дорожные случаи, пока режиссер не заснул. А аварий здесь всегда было предостаточно не только ночью, но и днем. То лось выйдет, то медведь выскочит – смотри в оба не только вперед, но и по сторонам. Полина слушала, вглядываясь в вечерние сумерки. Мужчины начали неспешную беседу, еще когда за большими окнами не было никакого леса, а лишь мелькали городские производственные застройки и частный сектор. Но совсем скоро они стали редеть, пока совсем не исчезли, и сквозь темноту можно было разглядеть только низкие ограждения со светоотражающими знаками и белеющие километровые столбики. Говор водителя – ровный, округлый, раскатистый. Сразу видно, из местных, вологодских кровей. Удивительное дело – как же намертво в людях сидит принадлежность к месту рождения и роду. Чтобы избавиться от акцента, этому дяденьке пришлось бы много заниматься, но ему это было ни к чему. Вот у Кушнера речь правильная, хорошо поставленная. Сейчас такую даже с экрана телевизора редко услышишь. Чувствуется старая актерская школа.

Все пассажиры крепко спали, но Полине никак не удава-

лось побороть состояние полудремы, которым она мучилась уже довольно долго. А ведь казалось, что киношники не уйдут до самого утра. После того, как они загрузились в серебристый микроавтобус, разложили вещи и аппаратуру, стали шумно спорить, кому какое место достанется. А потом, рассевшись, вдруг решили пить чай из термоса, а это был вовсе и не чай... Кушнер ругался, грозился, но выглядело это слишком театрально, и все посмеивались, шуршали фольгой от шоколада, перекидывались шуточками, и вокруг пахло апельсином и смородиновым ликером.

Автобус был прибранным, ухоженным. Казалось, на стеклах панорамных окон еще виднелись влажные следы от чистящей жидкости. Сейчас, в отличие от Полины, ее попутчики спали, совершенно не реагируя на тряску и виражи. А она, укутавшись в вязаную кофту, отчаянно пыталась заставить себя сделать то же самое. Ей было муторно и тревожно, словно что-то внутри нее сопротивлялось этой поездке. И все же Полина была рада тому, что сидит сейчас среди мало-знакомых и своеобразных людей, которых хлебом не корми, а дай посмеяться и посплетничать о ком-нибудь или поизображать из себя непризнанного гения. Словно дети, ей богу...

Внезапно автобус стал тормозить и через несколько метров встал. Полина приложила ладони к стеклу, чтобы выяснить причину остановки. Водитель вышел, оставив дверь приоткрытой. Потянуло табаком. Полина вздохнула и, откинувшись на спинку кресла, вновь старательно зажмурилась.

Послышались голоса, затем шаги. Зашуршало бетонное крошево, отъехала дверь, и корпус автомобиля слегка накренился под чьим-то весом.

Лицо Полины обожгло холодным свежим воздухом. Она заерзала, вжимаясь в сидение, а затем услышала совсем рядом тихий низкий голос:

– Вы позволите?

Она вздрогнула и открыла глаза. Сердце пропустило удар, а потом застучало как сумасшедшее...

За три дня до этого.

«Шуша зажала локтем книгу, выскочила за калитку и довольно быстро зашагала в сторону леса. Трава хлестала по ногам, и скоро в застёжках сандалий собралось по маленькому зеленому букету. Девочка остановилась и приподняла ступню, чтобы полюбоваться такой красотой. «Я принцесса!» – произнесла вслух, и с этого момента ее ступня приобрела королевскую неспешность. Однако, хватило ее ненадолго. Солнце стало припекать сильнее, лесная чаща звала загадочной спасительной тенью... До обеда Шуше хотелось успеть дойти до того места, где начиналось болото, и вернуться в деревню, пока ее не стали искать.

Шуша – смелая принцесса, которая никак не могла попасть в свой замок...»

Кончик ручки замер, вдавливая точку в углу клетки.

...– Ты куда положила формуляры? В журнал уже все записала?

Полина вздрогнула от скрипучего голоса начальницы, захлопнула блокнот и уставилась на Ольгу Ивановну все еще затуманенным взглядом. Их глаза оказались на одном уровне – росту в директоре было меньше полутора метров, но

голос, резкий, с металлическими нотками, должен был принадлежать женщине гренадерского типа, а не подобной карлице.

«Вокруг замка жили карлики, тролли и великаны... Старый король всегда предупреждал Шушу, что с ними следует быть очень осторожной...»

– Чем ты занимаешься? Что там со списком мероприятий?

– Да-да, сейчас я все... – помотав головой, Полина наконец пришла в себя и засуетилась, хватаясь за бумаги на столе и параллельно возя мышкой перед компьютером, открывая нужное окно. – Сейчас, сейчас...

– Я буду в читальном зале. Чтобы через пятнадцать минут все было готово.

– Конечно, Ольга Ивановна, – закивала Полина, чувствуя, что краснеет. Такое уж свойство ее натуры и физиологическая данность – покрываться краской в самый неподходящий момент. К тому же у нее рыжие волосы и россыпь веснушек, что по мнению самой Полины делало ее похожей на апельсин.

Известный факт – рыжих в мире менее двух процентов, поэтому они всегда привлекают к себе всеобщее внимание. Должно быть, надо расценивать это как плюс, но точно не с ее характером.

Казалось бы, ничего страшного не произошло – формуляры за вчерашний день обработаны, журнал заполнен (летом в

библиотеке посетителей совсем немного), список мероприятий – Полина вздохнула – тоже. А вот поди ж ты, небольшое замечание – и она опять переживает и нервничает, будто произошло что-то страшное.

– Так, мероприятия... – Полина помнила их наизусть – в конце месяца – вечер русского романса, а завтра – знакомство с творчеством местной поэтессы Ефросиньи Душко. Как пить дать, придут только пенсионеры из окрестных домов, не занятые садово-огородными делами. Всех она знала в лицо и поименно – сплошь приличные интеллигентные люди.

На экране возникла фотографии поэтессы. Вот уж действительно – как вы яхту назовете, так она и поплывет. Наверняка родители маленькой Фроси прочили ей прекрасное творческое будущее, не задумываясь о том, есть ли у нее вообще талант и способности. Внешне автор двух тоненьких сборников представляла собой крупную томную даму с влажным взглядом больших карих глаз, пышными завитыми локонами лилово-розового цвета и сложенными под подбородком короткими толстыми пальчиками, унизанными золотом-серебром. Сдвинув курсор ниже, Полина прочла:

«О милый друг,
Зову, приди!
Оставь бывшее позади!
Объятий плен,
Лобзаний ночь

Иль подари, иль поди прочь!» *

– Иль поди прочь... – произнесла Полина, вскинув брови. Однако!

Взглянув в большое окно, она с тоской отметила, что день обещает быть солнечным и шумным. Уже середина лета, а полтора месяца пронесли мимо нее почти незамеченными. Отпуск, который начинался через три дня, не радовал. Нет, конечно, это здорово, не думать о том, что завтра на работу. Можно читать до самого рассвета, а потом вставать к обеду, щурясь от ярких солнечных лучей, пробивающихся между штор. Но все же хотелось чего-то другого, томительно-тягучего и интригующего, от чего бы кровь начала течь быстрее и жизнь показалась бы красочнее.

Было время, когда Полина точно знала, что ей нужно. Фантазерка, мечтающая стать писателем и поглощающая книги со скоростью и аппетитом крокодила. И что же? Почему сложилось именно так, а не иначе, и где она свернула не в ту сторону? Почему Ефросинья Душко может называть себя писателем и поэтом, а она, Полина Скороходова, до сих пор стыдится признаться в том, что пишет?

«Ну кому интересны мои перлы? – тут же пронеслось в голове. – Вот и мама говорит, чтобы не занималась ерундой. Хорошая работа с удобным графиком, возможность читать самые редкие издания и самообразовываться. Да, зарплата небольшая, но ведь ей хватает? Чай, не семеро по лавкам, чтобы биться за презренный металл».

Полина прикусила губу — ей скоро двадцать четыре! Еще пару-тройку лет, и из тургеневской девушки она плавно перейдет в статус бальзаковской барышни... От подобных сравнений стало грустно, а затем смешно. Слышала бы ее единственная подруга Варя. Та уже обзавелась мужем, детьми — погодками, собакой и живущей в соседнем подъезде свекровью. Спасаясь от счастливых семейных будней, Варя частенько коротала время у Полины, и только она знала о тайной мечте рыжеволосой библиотечарши.

Хлопнула входная дверь. Внутри вошел подтянутый мужчина в светлом льняном костюме, фетровой шляпе и мокасинах на голую ногу. За пятьдесят, с небольшой клинообразной седой бородкой и загорелым лицом, — посетитель производил впечатление заблудившегося иностранца. Заметив Полину, он приподнял шляпу и не спеша направился вдоль стеллажей, разглядывая корешки книг.

Половицы поскрипывали под его тяжестью; жирная муха, надсадно жужжа, билась о стекло под самым потолком; кондиционер гонял воздух, поддерживая нужную температуру; тихо гудел компьютер... Полина почувствовала, как ее накрывает сонное оцепенение. Нет, определенно следует что-то менять, иначе она засохнет и превратится в один из тех скучных экземпляров, которые намертво осели в библиотечном фонде. Смежив веки, Полина нажала на точки у висков, чтобы немного взбодриться, а когда отняла руки и открыла глаза, увидела посетителя прямо перед собой.

– Добрый день, – приятно картавя, поздоровался он и близоруко прищурился.

– Добрый день, – улыбнулась Полина, заметив мелькнувшую на заднем фоне фигуру Ольги Ивановны.

«Карлики были всегда чем-то недовольны, а потому злы лицом и вредны характером...»

– Чем я могу вам помочь? – Полина заправила за ухо выбившуюся рыжую прядь.

– Мне нужна одна книга. Автор малоизвестный, я бы даже сказал, совсем неизвестный широкому кругу читателей. Да и не книга это в общем-то, а скорее, методическое издание... – мужчина чуть вытянул шею, разглядывая девушку.

– Очень интересно, – кивнула Полина. – Давайте посмотрим, обладаем ли мы какой-то информацией. Диктуйте название и фамилию...

– Полина? Полина Скороходова? – внезапно посветлел лицом мужчина.

– Простите, мы знакомы?

– Конечно! Скорее всего, вы меня не помните, – заявил мужчина. – Когда мы виделись, вы были совсем еще ребенком. Но я вас сразу узнал!

«Еще бы, – вздохнула Полина, – с такой-то неприметной внешностью...»

– Вы стали необыкновенной красавицей! Практически эталон прерафаэлитов! *

Послышалось покашливание. Ольга Ивановна demonstra-

тивно начала что-то искать на полке с учебной литературой, а затем и вовсе вытащила стремянку, стоявшую в углу.

– Значит, вы теперь здесь... – мужчина огляделся. – Неожиданно. Помнится, в детстве вы мечтали связать свою жизнь с чем-то творческим. Но, как говорится, все течет, все меняется... Город ваш похорошел за несколько лет, не узнать! А вот вы совсем не изменились!

Полина растерянно похлопала ресницами и погладила обложку личного блокнота. Как она ни старалась, вспомнить мужчину не могла.

– Костров, Вениамин Аркадьевич. Художник, – представился посетитель.

– Очень, очень приятно! – она протянула руку, но мужчина вместо того, чтобы пожать ее, коснулся пальцев губами, отчего Полина вновь покрылась красными пятнами.

– Неожиданная встреча! – добавил он, сделав вид, что не заметил ее смущения.

– Да... Значит, вы давно не были в нашем городе? Вы друг отца? Папа, ведь, ну...

– Я в курсе, – вздохнул Костров. – Узнал совсем недавно. Мои глубокие соболезнования.

– Спасибо... А что вас привело к нам?

– Съёмки кино, – подмигнув и понизив голос, заявил Костров.

– Кино? – ахнула Полина.

– Да. Отсняли в городе пару сцен. А на следующей неделе

двинемся дальше.

– О боже... Это так здорово! Вот бы одним глазком посмотреть! – не удержалась Полина.

– За чем же дело стало? Приезжайте после работы ко мне. Гостиница «Перун», номер 325. А это – мой телефон, – он протянул визитку и взглянул на часы. – Упс, мне уже пора!

– А как же книга? – прижимая к груди визитку, спросила Полина.

– Господь с вами, какая книга, когда мне предстоит вечер с такой девушкой! – широко улыбнулся Костров и, отсалютовав шляпой по отдельности Полине и Ольге Ивановне, покинул библиотеку.

*стихи автора

*прерафаэлиты – направление в английской поэзии и живописи во второй половине 19 века.

– Так прямо и сказал? – голос Вари был едва различим за криками детей и лаем собаки. В трубке слышалось шуршание, затем какой-то стук, и только после этого хлопок и шум воды. – Все, я готова слушать. В ванной закрылась. Поговорить не дадут, оглоеды!

– Да в общем все. Пригласил в гостиницу.

– Старый козел, – не стесняясь в выражениях, резюмировала подруга. – Все они козлы, Поль, запомни!

– Кроме твоего мужа, ты хотела добавить? То есть ты считаешь, что мне идти не следует? Понимаешь, он друг отца, и я не вижу ничего предрассудительного в том, чтобы просто пообщаться.

– Ну, – Варя на секунду задумалась, – в конце концов, а чем ты рискуешь? Сколько, говоришь, ему? Шестьдесят? Может, еще ничего и не получится...

– Что не получится? – не поняла Полина.

– Оно самое, – расхохоталась подруга.

– Варя! – округлила глаза Поля и прикрыла трубку ладонью, – как ты можешь? И вообще, знаешь ли... Эти твои шуточки... —Заметив Ольгу Ивановну, она покраснела, будто директриса могла слышать их разговор, и быстро попрощалась. – Отбой! Мне пора! Жду тебя завтра!

– Расскажешь потом, как прошло! – захихикала подруга

и положила трубку.

Как говорится, хоть кому-то сейчас весело.

С Варварой они познакомились в библиотеке. Подруга оканчивала заочно психфак и после затянувшегося декрета планировала работать по профессии. Полина даже обмолвилась как-то, что будет ее первым постоянным клиентом, ибо справиться с зоопарком, живущим в ее голове, самостоятельно не в состоянии. Но пока они обсуждали все что угодно, только не странности Полины. Хотя, возможно именно после их совместных вечеров Полине Скороходовой становилось гораздо лучше. Все-таки было уже в Варе что-то от настоящего психолога.

Проблема заключалась в том, что Полина была фантазеркой. Нет, не вруней, а именно фантазеркой. Все началось в раннем детстве, когда она, зачитываясь сказочными историями, так ярко переживала происходящее с героями, что у нее даже поднималась температура. И где бы Полина не оказывалась, она с легкостью могла разукрасить скучную действительность яркими красками своей неутомимой фантазии. Наверное, именно поэтому книги стали ее самыми верными союзниками и друзьями, потому что взрослым очень быстро надоедало подобное поведение, а порой и ставило в тупик.

А вот Варя относилась к этому с восторгом. Говорила, что Полине удалось сохранить своего внутреннего ребенка.

Ага, только внутренний взрослый почему-то был этому

совсем не рад...

Полина вернулась к своим нехитрым обязанностям, которые, однако, требовали внимательности и хорошего настроения. На удивление, жаждущих что-нибудь почитать в этот день оказалось немало. Пару раз пришлось даже посетить резервный фонд, чтобы обеспечить страждущих Набоковской «Лолитой». Оба раза это были девочки-старшеклассницы, и Полина, глядя ни них, вспоминала, как сама читала эту книгу в детстве и ничего не поняла.

В обед позвонила мама. В свойственной ей безапелляционной манере начала расспрашивать о том, что Полина ела, во что одета, и какие у нее планы на время отпуска. Увязнув зубами в куске манного пирога, Полина пыталась поделиться своими умозаключениями, но в их диалоге Ираида Васильевна оставляла место только для коротких фраз типа: «да, мам; поняла, мам; хорошо, мам!»

Матушка жила в уютном доме коттеджного поселка с новым мужем, Олегом Петровичем, что несказанно радовало Полину, но заставляло Ираиду Васильевну прилагать массу дополнительных усилий, чтобы контроль над дочерью не ослабевал. Подмогой в этом были, конечно же, непосредственная начальница Полины Ольга Ивановна, и соседка по площадке, тетя Люся. Полина ведь такая впечатлительная! За ней нужен глаз да глаз! Не ровен час, опять напридумывает чего...

Другой бы, разумеется, правдами и неправдами изловчил-

ся, но вылез бы из-под этой всесторонней опеки, но Полина была очень мягкой девушкой в прямом и переносном смысле. К ее рыжим кудрям прилагалась округлая фигура, голубые глаза и ангельский характер. На вопрос, почему такое сокровище одиноко, Ираида Васильевна имела стойкое убеждение – ее дочь достойна только самого лучшего, поэтому зять будет отвечать четким запросам будущей тещи, и за абы кого она свою кровинку не отдаст. Страх матери был понятен, но и Полина знала правду – она некрасива. Да, начитанна, добра и приветлива, но совершенно не вписывается в современные каноны красоты – бледная кожа, острый подбородок и, что греха таить, отсутствие талии.

Если бы сейчас был девятнадцатый век, когда царили изящество и великолепие богемной атмосферы, она бы, конечно, выделялась именно золотистым цветом волос и небесной голубизной глаз, а так...

Полина покрутила локон и едва не рассмеялась, когда представила себя в ниспадающих одеждах и широкополой шляпе. Затем ей стало грустно, потому что только отец видел в ней не только умницу, но и необыкновенную красавицу. В отличие от супруги, которая была здравомыслящей особой, лишенной сантиментов. Но именно благодаря Ираиде Васильевне у них в свое время появились приличная квартира и автомобиль. Она умела заводить правильные знакомства, а затем аккуратно и по делу пользовалась ими. Разумеется, мать пыталась пристроить дочь в хорошие руки, но тут уж

сама Полина упиралась рогом и делала это артистически – читала нараспев стихи, закатывала глаза и чопорно поджимала губы. Женихи офигевали и, поглядывая на томик Байрона в ее руках, ретиво устремлялись прочь. В конце концов, сейчас не те времена, чтобы можно было вот так запросто избавиться от засидевшегося чада, если оно само того не желает. Полине хотелось настоящей и взаимной любви, как в романтических книгах. Тем более, что образ героя уже давно жил в ее мечтах.

Родители развелись тринадцать лет назад. Никаких скандалов и выяснений отношений не было. Взрослые люди, которые сошлись по одной им известной причине, родили дочь и разбежались. Несходство характеров, жизненных установок и взглядов, так это называется. Хотя, причины, конечно, были. И основная из них, как это ни странно, – именно Полина.

Ираида разменяла большую трешку на две однушки (по-больше и поменьше) и выставила мужа за дверь. Полина и раньше догадывалась, что у отца время от времени кто-то появлялся. Творческий человек, что с него взять? Но дочь он любил, поэтому до самой своей смерти уделял ей внимание и занимался ее образованием. Именно от него она унаследовала колоритную внешность и любовь к книгам, а так же узнала об удивительных вещах.

Юрий Скороходов был журналистом, писал рассказы и очерки о малоизученных местах России, увлекался мисти-

кой и паранормальными вещами. Первым читателем и слушателем всегда была Полина, и теперь, вглядываясь в рукописи и пересматривая фотографии, сделанные в поездках, она продолжала слышать его хрипловатый голос. Умер он тихо, в своей кровати, от сердечного приступа, пять лет назад.

Для всех это стало полной неожиданностью.

«Да Юрка должен был всех нас пережить! И потом еще лет двадцать поминать нас «огненной водой»! – удивлялась Ираида, пока Полина пыталась осознать случившееся. – Это ж надо было такое учудить? Так нас всех подставить? Вот ведь паразит...»

Отец, конечно, любил «принять за воротник», да и компании любил собирать. Но в последние месяцы перед смертью все больше отсиживался в одиночестве, над чем-то работал и много писал.

В тот день Полина впервые почему-то подумала, что надо переехать к нему. С этими мыслями и пошла к отцу после учебы. В квартире стояла гробовая тишина. Юрий Скороходов лежал, прижав руку к груди, а на полу валялись его дневники и несколько засохших стеблей васильков.

Она в шоке позвонила в соседскую дверь, а тетя Люся звала участкового и врача. Ничего подозрительного не нашли, да и не искали.

Ираида устроила достойные похороны. В городской газете опубликовали некролог, и в кафе, где был заказан поминальный обед, собралось большое количество народу. Поли-

на плохо помнила день похорон, сознание, словно оберегая ее, работало вхолостую, поэтому перед глазами проплывали лишь воспоминания, где отец был жив и здоров. Ираида, заметив легкую блуждающую улыбку на лице дочери, нервно дергала головой и старалась сделать все, чтобы остальные, не дай бог, не обратили на это внимания.

Полина переехала в квартиру отца дней через пять после прощания с ним. Поначалу хотела просто прибраться, но, когда оказалась в родных стенах среди знакомого творческого беспорядка, расплакалась и твердо решила остаться. Мать не стала противиться, хоть и пыталась доказать, что квартиру следует продать или обменять на более приличную. Но потом махнула рукой, решив, что рано или поздно Полина передумает и вернется к ней и к привычной сытой атмосфере.

Но в этой запущенной квартире Полина словно обрела второе дыхание. Среди заваленных книгами, бумагами и папками шкафов, в кривобоком мягком кресле под прокуренным пыльным абажуром ей было по-настоящему хорошо. Вернулось желание писать, которое, к слову, когда-то пропало именно здесь...

Полине было пятнадцать, когда она, собравшись с духом, показала отцу наброски своей первой повести. В тот день Юрий был не в духе, поэтому в хвост и гриву разнес робкие попытки дочери облечь свои мысли в удобоваримую форму. Указывая на недостатки, он болезненно морщился и постоянно говорил, чтобы она не занималась ерундой, а направила

все свои силы на школьную программу и выбрала себе нормальную профессию.

Полина расстроилась до слез. Она была просто убита его словами. Разве не он стал ее проводником в мир литературы? Разве не от него она переняла эту страсть к неизведанному и прекрасному? Но в его речи явно сквозило влияние матери, а вот ей-то совсем не по нраву было желание дочери. Конечно, Ираида переживала за состояние Полины, и на то были веские основания, но разве это имело отношение к тому, как могла бы сложиться ее творческая жизнь? Быть писателем, может, и не профессия в полном смысле этого слова, но ведь достойных примеров обратному масса.

В общем, тогда Полина восприняла слова отца как предательство. Но меньше любить его за это не стала, конечно. Они просто никогда больше к этой теме не возвращались.

Однако, мать не оставляла попытки повлиять на будущее дочери, и только довольно вялый аттестат и приличный балл по литературе и русскому языку позволили Полине поступить на филологический. В библиотеку ее пристроила Ираида, кажется, тоже по знакомству. План матушки постепенно воплощался в жизнь – образование, тихая работа рядом с домом и, возможно, скорое замужество, как только Полине надоест мариновать себя в одиночестве.

Но после случившегося, когда горе оголило нервы и очистило разум, Полина вновь загорелась идеей написать книгу. Возможно, то, что ее окружало, сам дух старой квартиры

возымели такое действие, но она восприняла это как знак. Мистический знак, если говорить точнее. Словно Юрий Скороходов, уходя, оставил незакрытую дверь, в которую с готовностью вошла его дочь.

Желание Ираиды во что бы то ни стало навести порядок в жизни дочери время от времени ослабевало, когда они с новым мужем в очередной раз уезжали в санаторий или лечебницу. В Олеге Петровиче, покладистом и работающем военном пенсионере, матушка наконец нашла то самое женское счастье, о котором могла только мечтать с отцом Полины. У них была масса общих интересов – маленький бизнес, огород, заготовки и, разумеется, забота о собственном здоровье. По утрам они, конечно, не бегали, да и любили хорошо покушать, но время от времени брали путевки для того, чтобы привести себя в порядок под руководством опытных врачей и "ласковых" массажистов. Возможно, сейчас маменька звонит именно за тем, чтобы предупредить ее о своем отъезде?

«Милая, замечательная мамочка, как же хорошо, что ты так удачно устроила свою жизнь!», – в который раз убедилась Полина.

– ...Вот что я придумала – пока ты в отпуске, сделаем ремонт в твоей квартире!

Полина закашлялась:

– Ремонт? Зачем? У меня все...

– Глупости! Давно пора выкинуть старую мебель! И шторы никуда не годятся!

– Ты же их сама выбирала...

– Обои страшные, – продолжала Ираида, – плинтуса гнилые, сантехника на ладан дышит! – не унималась мать.

– Я планировала съездить в Темешево, в монастырь... На два дня, – пролепетала Полина, судорожно вспоминая, где видела объявление о турпоездке.

– О боже, – воскликнула Ираида, – тебя уже потянуло на церковные богослужения?!

– Там старинные фрески, и еще батюшка, который изгоняет злых бесов. К нему все едут, чтобы... – начала перечислять Полина, но вдруг поняла, что ступила на опасную почву.

– Это все твой отец виноват! Всю жизнь тебе исковеркал своими рассказами! Какие бесы, какие фрески?! – мать пробормотала что-то вроде: «прости, господи», но тут же с азартом произнесла: – Я не против того, чтобы ты активно проводила время, Поля. Но монастырь не то место, где ты сможешь найти себе пару, пойми!

– Я совсем не думала...

– И это ужасно, дорогая! Как же можно так впустую растрачивать свою молодость и... э... Ты, главное, не переживай! Скоро приедет из Москвы сын моей знакомой. Очень хороший и перспективный мальчик. Докторскую защитил. Ему сорок, но он прекрасно выглядит! Я фотографию его школьную видела...

Полина подняла глаза к потолку и перевела дыхание:

– Хорошо, мам. Я поняла. Давай, я попозже перезвоню?

У меня люди. Мне пора.

– Обои я уже присмотрела! И шторы! – настойчиво несло из трубки.

– Господи, куда бы спрятаться?! – простонала Полина, выключая телефон.

К концу рабочего дня Полина совсем пала духом. Перед глазами уже стояла скорая разруха в ее маленькой квартирке, наполненной светлыми воспоминаниями и чудесными фантазиями. Да, конечно, мебель была старая, разномастная, но каждая трещинка и чернильное пятнышко были дороги сердцу и памяти. Полине не в чем было себя упрекнуть – она старалась быть хорошей хозяйкой, тем более, это было совершенно не сложно при ее скромных запросах. Ну скажите на милость, зачем менять что-то без видимых на то причин?

Кто, кроме Вари, увидит эти новые шторы и мебель? Да и Варе они по барабану – когда она появляется у Полины, то за секунду разувается, бежит на кухню и хлопается на диванчик, вытянув длинные ноги и разматывая на ходу фольгу у бутылки с игристым. «Лечим нервы!» – девиз каждой их встречи, благо что происходят они раз в неделю, потому что остальное время Варя носится как белка в колесе. Но в субботу семья отпускает ее на пару-тройку часов, чтобы та не поубивала домочадцев в ночь на воскресенье. Живут-то Варя с Полиной в паре домов друг от друга, так что в случае крайней необходимости мать семейства спокойно могла метнуться в свою берлогу, чтобы навести там порядок. Но это

случилось лишь однажды, еще зимой, когда трехлетний сын запер отца на балконе. Хорошо, что телефон оказался у супруга в кармане халата, а не как обычно – у телевизора. Попало от матери-психолога тогда всем. Даже свекрови, которая в этот момент увлеченно смотрела сериал на кухне вместе с полуторогодовой внучкой. Зато теперь вечер субботы стал для Вари официальным выходным с возможностью расслабиться и почувствовать себя свободным человеком.

Полина по-хорошему завидовала подруге. Муж – весельчак и балагур, свекровь, помешанная на сериалах и разведении гераней, двое детей – мальчик и девочка, растущие не по дням, а по часам. Отлаженный, пусть и находящийся в вечном бардаке, быт...

Наверное, где-то живет человек, который мог бы стать для Полины любимым, но где вероятность того, что и он полюбит ее? Разве можно влюбиться в такую размазню, как она? А по-другому и не надо вовсе...

Полина бросила взгляд на огромный циферблат в читальном зале – до закрытия оставалось еще полчаса. Ольга Ивановна, включив настольную лампу, через лупу просматривала какую-то статью в старой газетной подборке. Пахло пылью и сладковатыми духами, шлейф которых остался после последней посетительницы.

Полина намочила тряпку, прошлась ею по столам и стульям, полила цветы на подоконнике, разглядывая спешивших домой прохожих.

– Полина, ты завтра будешь с утра в магазин заходить? – спросила Ольга Ивановна.

– Да, конечно, как всегда... – задумчиво кивнула Полина.

– Творогу мне купи. Того, деревенского. Завтра пятница, привезут с утра.

– Хорошо, Ольга Ивановна.

Громко тикали часы, словно спрашивая Полину о ее решении.

«Идти или нет? О чем говорить? Если разговор зайдет про отца, то я непременно буду плакать... Глаза будут красными, нос распухнет... Или оставить все как есть? Ну подумаешь, кино... Глупости все это. Вокруг столько всего интересного и без этих разговоров, без съемок и старинных приятелей, которых я не помню...»

– Скоро отпуск... И монастырь... – будто убеждая себя, произнесла она вслух.

– Что? – Ольга Ивановна отложила лупу. – Монастырь? Монастырь – это хорошо. Это правильно.

– Вы думаете? – обернулась Полина.

Ольга Ивановна пожала маленькими плечиками и перелистнула газетную страницу. Библиотеку она всегда закрывала сама, выпроводив сотрудников. И сейчас Полина подумала – а уходит ли она вообще? И ждет ли ее кто-нибудь дома? Кажется, вся ее жизнь прошла в этих стенах, и именно поэтому Ольга Ивановна чувствует себя здесь полновластной хозяйкой.

Неужели и ее, Полину, ждет подобная участь?

– Завтра вечер Душко, – напомнила Ольга Ивановна. – Не хочешь пригласить мать?

Полина едва не выронила тряпку.

– Что вы, Ольга Ивановна, у нее дела, ремонт. И вообще, поэзия ее не особо интересует.

– Разве это поэзия? Графоманство! – желчно процедила директриса.

– А как же сборники, поклонники? С цветами придут, точно вам говорю!

– Хм, – скривилась Ольга Ивановна, – надо уметь крутиться. И наглости побольше.

– Да, наверное, – согласилась Поля. – Определенно вы правы...

До гостиницы Полина решила прогуляться пешком. Это заняло бы около сорока минут, но ей очень хотелось пройтись, подышать пусть не очень свежим, но лишенным затхлости вечерним воздухом. Тем более, что «Перун» стоял на крутом берегу реки, в живописном месте, недалеко от центра.

Полина очень любила город, в котором родилась. Несмотря на то, что Москва была в каких-то трехстах километрах, здесь ее влияние почти не ощущалось. Разумеется, строились новомодные кварталы, появлялись шикарные торговые центры, и набережная радовала глаз витиеватыми ограждениями и обложенным серым камнем руслом, но историче-

ский центр с его кремлем, торговыми рядами и купеческими застройками оставался в целости и сохранности. Деревья были пострижены, мостовая тщательно выметена, клумбы ухожены. Полина крутила головой, разглядывая знакомые с детства памятники, парковые аллеи и толстые фонарные столбы, выкрашенные в золотистый цвет. Речная гладь у самого берега немного заросла травой, и кое-где белели цветы кувшинок. Между ними, окуная голову в воду, кружились местные крикливые утки. Полина достала из сумки остатки пирога, чтобы покормить их, как делала это в детстве вместе с отцом. Правда, тогда они специально заходили в булочную и покупали аж две буханки белого, потому что хлеб всегда вкуснее, если есть его в компании уток и селезней.

Следовало бы почаще прогуливаться вот так, не спеша, а не зарываться в книги сразу же после возвращения домой. А то получается: чаек, кофеек, печеньки, другая жизнь, чужие судьбы... А в этот момент талия говорит тебе «прощай», и в собственной судьбе тоже никаких перемен не предвидится...

Оглядев свое отражение в огромном стекле у входа в гостиницу, Полина открыла дверь. Оказавшись в просторном прохладном холле, сразу же подошла к стойке администратора. Красивая девушка в строгом пиджаке и с идеальным макияжем улыбнулась, скользнув по ней изучающим взглядом:

– Добрый вечер! Чем могу помочь?

Гостиница была дорогой, рассчитанной на приезд ино-

странцев, делегаций и обеспеченных гостей. Поэтому появление растрепанной и немного запыхавшейся рыжеволосой девушки в длинном цветастом платье явно не вписывалось в привычный перечень посетителей.

– Я бы хотела встретиться с одним человеком. Его зовут Костров Вениамин Аркадьевич, – Полина стала рыться в сумке, мысленно ругая себя за то, что не позвонила ему перед выходом. Перевернув сумку вверх дном, она констатировала, что по своей забывчивости оставила визитку на столе.

Дежурная, скосив глаза на экран компьютера, ждала. Или делала вид, что ждет, не проявляя совершенно никакого видимого интереса к происходящему.

– Его номер... – Полина напрягла память, но та явно отказывалась ей содействовать. – Простите, я визитку оставила на работе... Костров, художник. Он приехал с киногруппой на съемки...

Красивая бровь дежурной приподнялась. Губы слегка скривились. Хорошо поставленным голосом девушка отчеканила:

– Информацию о постояльцах не разглашаем, – она хотела добавить что-то еще, но, вероятно, только правила гостиницы сдержали ее от язвительной ремарки, готовой соскочить с острого розового язычка, зажатого между зубами.

Полина и сама понимала, что выглядит не лучшим образом. Странная, если не сказать чудненькая барышня желает встречи с известным столичным художником, который к то-

му же участвует в съемках фильма. Ответ напрашивался сам собой, и он явно был не в пользу Полины.

– И-извините, – смутилась она, зажала сумочку и побрела к выходу. Ну глупость же! На что она рассчитывала? Ладно хоть прогулялась, поменяла картинку перед глазами. Уток покормила, в конце концов...

Охранник, до этого сучавший недалеко от входа и явно слышавший разговор на ресепшн, услужливо приоткрыл перед Полиной дверь. В его-то глазах как раз не было издевки, скорее понимание ситуации. Но легче Полине от этого не стало. Когда она, поблагодарив, приблизилась к дверям, позади послышался громкий смех, а затем окрик:

– Полина! Полина Скороходова! Куда же вы! Господа, разрешите представить вам самую красивую девушку этого города!

Услышав голос и слова Кострова, Полина замерла, вжала голову в плечи и покраснела как вареный рак.

Спутники Вениамина Аркадьевича развернулись в ее сторону, и Полине не оставалось ничего другого как улыбнуться и поздороваться. Судя по их взглядам, выглядела она при этом очень глупо, да и сама Полина чувствовала себя именно так.

Их было четверо, вместе с Костровым, – еще один лысоватый мужчина в легком костюме и две женщины, похожие друг на друга как мать и дочь. Обе – блондинки с розовыми пухлыми губами и густыми ресницами, но с разницей лет в двадцать. Возможно, у них даже пластический хирург и косметолог был один на двоих.

Костров отделился от группы и вновь приложился к руке Полины. А потом вдруг зачем-то заставил ее покрутиться вокруг своей оси, довольно крепко обхватив за запястье. Когда Полина остановилась, ее мотнуло сначала в одну сторону, затем в другую. Перед глазами запрыгали колонны, лица и лестничный пролет. Едва не споткнувшись, она почувствовала себя слоном в посудной лавке и, вписавшись плечом в Кострова, едва не свалила того с ног.

– Здравствуйте! Простите, я, кажется, невовремя... – пробормотала, пытаясь удержать равновесие.

– Полноте, милая барышня! – густым басом заявил мужчина с высокими залысинами и шелковым платком на шее. –

У нас нехватка женского пола, так что вы как нельзя кстати.

– Геннадий Викторович, уймись, – остановил его Костров. – Полина – дочь моего старинного приятеля, Юрки Скороходова. Помните, журналист такой был? Рыжий. Тоже, кстати, увлекался разными мистическими делами...

Присутствующие переглянулись, пожимая плечами.

– Мы собрались поужинать и приглашаем вас, – продолжил художник, все еще придерживая Полину за руку.

– Ой нет, – окончательно сконфузилась Полина. – Это неудобно... Я, понимаете, мимо шла. Просто хотела поздороваться и попрощаться, наверное...

– Неудобно на потолке спать, – фамильярно заметил Геннадий Викторович.

Женщины продолжали разглядывать Полину, не скрывая ироничных улыбок.

– Не обращайтесь внимания, – усмехнулся Костров и согнул локоть калачиком. – Идемте, моя фея. Рассмотрите нас, столичных дикарей, со всех сторон. Мы не страшные, и клыков у нас нет уже давно – исключительно импланты. А скоро и вся стая подтянется.

«О боже! – пронеслось в голове у Полины. – Сколько же их здесь? Зачем я вообще сюда пришла?!»

Но желание посмотреть и послушать творческих людей пересилило робость. Когда еще ей предоставится шанс окунуться в киношную атмосферу? Наверняка будут разговоры о съемках, о великих актерах, о разных смешных случаях.

Интересно же – о чем фильм, кто режиссер, и кто занят в главных ролях?

В конце концов, можно заказать какой-нибудь салатик и кофе, посидеть в сторонке, не привлекая внимания. Вон они какие – шумные, интересные, повидавшие все на свете!

Полина, конечно, читала о том, как построен съемочный процесс, да и соцсети пестрели историями об известных и популярных творческих личностях, но ведь совсем другое дело сидеть рядышком и представлять, что имеешь к этой элите хоть какое-то отношение.

Нет, определенно нужно было соглашаться! Вдруг это ее единственный шанс разнообразить свою жизнь? В таких случаях нормальные люди настроены решительно: будет, о чем рассказать своим внукам. Внукам, ага...

– Полина, ау? – помахал ладонью Костров перед ее носом. – Вы с нами?

– Да, – сжав волю в кулак, ответила она.

Костров приподнял бровь и оглядел ее с ног до головы:

– Вот и славно!

Уличная терраса ресторана находилась в задней части гостиницы. Огромный голубой брезентовый тент днем скрывал посетителей от солнца, а вечером от возможного дождя и ветра. Между столиками стояли высокие ящики с цветами; крупнолистные лианы обвивали столбы и решетки, создавая удивительно уютную атмосферу. Одна сторона площадки оставалась открытой и выходила на реку, за которой

простиралась старая часть города, утопавшая в зелени.

Полина оперлась на поручни, восхищенно разглядывая мерцающие огоньки, отражающиеся в воде, пока остальные гости усаживались за двумя сдвинутыми вместе деревянными столами. Играла тихая джазовая композиция, в которую как-то особенно удачно вплетался тонкий комариный писк, звяканье столовых приборов и крикание пернатых на берегу. Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, словно ощупывающий ее затылок, Полина обернулась.

– Полечка, – оторвался от разговора с Геннадием Викторовичем художник, – что же вы нас бросили? Идите скорее сюда! Садитесь рядом со стариком Костровым. Мне очень хочется расспросить вас поподробнее о том, что случилось с вашим папенькой. Мировой был мужик! Талантище, самородок! Такие идеи выдавал – волосы на голове дыбом вставали. Ему бы сказки писать. Да что там, сказки, мистические триллеры, во! Лично я ему верил, а как же? – обратился он к остальным. – Вдохновлял похлеще прочих. Но вот помер, эх... Полина, а вы знаете, что когда-то он сам предсказал свою смерть?

На мгновение у Полины заложило уши. Она нахмурилась, не сразу поняв и переварив его фразу. А затем кровь застучала в висках так сильно, что захотелось сползти на землю и обхватить голову руками.

К столу подошли еще несколько человек, и сейчас все они смотрели только на нее.

«Старый король когда-нибудь умрет, Шуша... Злой Дракон не оставит его рядом с любимой маленькой принцессой. И тогда ей придется все решать самой. Ведь это ее королевство.»

Полина с трудом отцепила руки от перил и на негнущихся ногах последовала к собравшимся. Еще минуту назад ей казалось, что сейчас она просто рухнет на серую плитку, но через мгновение стало понятно, что никто уже не обращает на нее никакого внимания. Все рассаживались за большим столом и наперебой штурмовали молодого официанта. На помощь к нему поспешил метрдотель, который теперь умудрялся не только принимать заказы, но и обмениваться комплиментами и шутками с гостями.

Полина пробралась на свое место, нервно теребя ремешок сумочки. В голове воцарился полный раздрай. Хотелось расспросить Кострова о том, что он только что сказал, но художник с азартом выбирал спиртное, совершенно не задумываясь о том, какое впечатление на нее произвели его слова.

Что это было вообще? Шутка? Но разве подобными вещами шутят? Хотя, зная ее отца, возможно и следовало отнестись к этой информации спокойно. Иногда папенька выдавал такие перлы, что сам удивлялся. Но такова уж особенность пишущих людей – играть словами и фразами становится для них основным занятием. Мать это выбешивало, а вот Полине нравилось угадывать тайный смысл, прятавшийся за словами отца, ведь тогда даже самая простая история

превращалась в сказку.

Но то, что сказал Костров, меньше всего напоминало ка-ламбур и, уж тем более, байку или притчу.

С левой стороны от Полины восседал Геннадий Викторович. Шейный платок на его шее был уже размотан и висел теперь вдоль распахнутого ворота. Рядом с Костровым, во главе стола, – угрюмый мужчина с орлиным носом и всклоченными волосами. Перед ним лежал пухлый блокнот, в котором он делал какие-то пометки, пока окружающие переговаривались друг с другом. Блондинка постарше время от времени что-то шептала угрюмому на ухо, томно вздыхая и закатывая глаза.

Полина уставилась в пустую тарелку, пытаясь понять, что делать дальше. Может быть стоило сейчас спросить Кострова о том, как она должна поступить, оказавшись в таком дорогом ресторане, и предложить самой заплатить за ужин. Для всех она чужой человек, влезший в их компанию без приглашения. Если бы Костров хотя бы намекнул на такие вот посиделки, она ни за что бы не пришла...

Официант подвез двухуровневую тележку, внизу которой позвякивали бутылки. Через пять минут стол был полностью заставлен, что смутило Полину окончательно.

– Что вы будете пить, дорогая моя? – спросил Костров. В руках у него оказалась бутылка, из горлышка которой еще поднимался белесый газ.

– Я?! Нет-нет, что вы!

– Дамы, леди, королевы мои, выбор за вами! – не обращая на ее выпученные глаза, продекламировал Костров.

– Спасибо, но я откажусь, – откашлялась Полина. – Мне завтра на работу, и вообще...

– Нет, вы слышали? Человеку завтра на работу! – воскликнул Геннадий Викторович и тут же вскочил. – Внимание! У меня родился тост! А как известно, выпивка без торжественной части, теряет свое воспитательное значение!

Вжав голову в плечи, Полина закусил губу – да что они, сговорились, что ли?

Костров наполнил ее фужер, а себе плеснул в стакан. Полина заметила, что руки остальных тоже были заняты рюмками.

– Итак, – Геннадий Викторович постучал вилкой по тарелке, – запомните! Если выпивка мешает вашей работе, то вы, вероятно, плохой выпивоха. А вот если работа мешает выпивке, то вы, на минуточку, алкоголик! Так выпьем же за возможность заниматься любимым делом, не отказываясь при этом от своих привычек!

Все подняли бокалы. Чтобы не выделяться на общем фоне, Полина последовала общему примеру. Сделав малюсенький глоток, отставила фужер и спрятала руки под стол, потому что никак не могла унять охватившее ее волнение. Странно было находиться среди людей, которые даже не пытались создать иллюзию приличного общества. Скорее, для них это была действительно рабочая атмосфера. Все говорили ра-

зом, перекидываясь вопросами и ответами через стол, совершенно не заботясь о том, как отреагируют остальные посетители. Благо, тех было немного, и сидели они на некотором отдалении. Поэтому ужин продолжался в лучших традициях птичьего базара. Пока официант расставлял закуски и хлеб, пара пустых бутылок уже отправилась восвояси.

– Полина, что же вы как не родная, – Костров выложил к ней в тарелку рулеты из баклажан и горку оливок. – В коллектив вливаются через горлышко!

– Мне, право, так неудобно... – покраснела она. – Свалилась вам как снег на голову... Хорошо, не на метле.

– В древние времена вас бы тут же сожгли на костре, – заметил чей-то тихий бархатный голос.

Полина вздрогнула и подняла голову. Напротив нее стоял молодой человек в светлой свободной рубашке с распахнутым воротом, смуглым скуластым лицом и темными волосами, небрежно уложенными назад. У него был такой пронзительный взгляд, что по телу Полины тут же побежали колющие неприятные мурашки. Когда он сел, она пробормотала:

– Вот уж глупости... Не смешно ни разу...

– Андрюша, я думала ты уже не придешь, – проворковала молоденькая актриса, едва касаясь пальчиками его запястья.

– И вот я здесь, Мара, – ответил он, не сводя глаз с Полины и будто сканируя ее.

Полина медленно облизала губы и, взяв фужер, давась выпила его содержимое до дна. В голове зашумело, на глазах выступили слезы, в носу защекотало. Схватив кусочек сыра, она затолкала его в рот, чувствуя, что горят не только щеки, но и уши. Следовало что-то сделать, успокоиться, но пока этот Андрей так нагло пялился на нее, в голову не приходило никакого мало-мальски вразумительного решения. Этот тип был необыкновенно красив и знал это. Бравировал и наслаждался производимым впечатлением, словно Дориан Грей. Так и хотелось сказать что-нибудь эдакое, чтобы сбить это выражение с его лица, но как Полина ни старалась, выдавить из себя ничего не удавалось. Да и сыр быстро кончился.

– Ну что ж, господа киношники, предлагаю выпить за новый сезон! – громогласно объявил Костров, поднимая рюмку. – За «Черное озеро»! За коммерческое кино и за то, что божьи дети так любят страшные сказки!

– Им без них скучно, – согласился Геннадий Викторович и, толкнув Полину локтем, подмигнул. – Они хотят – мы снимаем! Любой каприз за ваши деньги!

– А что это за фильм, «Черное озеро»? – спросила она. – О чем он?

Казалось бы, никто не должен был услышать ее слова, кроме соседа, но нет! Все тут же замолчали, уставившись на Полину в молчаливом недоумении.

– Это моя вина! – пришел к ней на выручку Костров. – Прошу не судить нашу милую гостью! Она в отличие от нас совершенно нормальный человек. Далека от мира кино и уж тем более, от подобного жанра.

– Вы что, телевизор не смотрите? – слегка растягивая гласные, произнесла Мара, обращаясь к Полине.

– Ну почему же, смотрю. Редко, правда... – пожалла плечами Полина. – Старые фильмы в основном, экранизации. "Собачье сердце", "Девчата"...

Мара закатила глаза, а потом и вовсе прикрыла их ладонью.

– И правильно делает! – поднял вверх палец Костров. – Ничего стоящего в современном кинематографе нет! Одна амре... амри... американщина! – Язык его уже заметно за-

плетался.

– Веня, ну ей-богу, – поморщился мужчина с блокнотом, – завязывай со своими умозаключениями. Ты вот обещал нам найти что-нибудь действительно оригинальное мистическое, где оно?

– Так ведь я за этим в библиотеку и пошел, – стал объяснять Костров. – А там она! Да разве ж я мог пройти мимо?

– Ты – нет, – усмехнулся мужчина с блокнотом, а затем кивнул Полине. – Кушнер.

– Что, простите? – не поняла она.

– Кушнер. Режиссер и директор проекта.

– О... – стушевалась Поля. – Полина Скороходова.

– Вы тоже журналист? Как ваш отец?

– Нет, что вы, я простой библиотекарь...

– Это многое объясняет. И кстати, делает вас на порядок выше большинства из нас. – Не дав возразить, он продолжил. – Мы снимаем мистический сериал, основанный на реальных событиях. Вы как вообще относитесь к подобному жанру?

Полина отвела глаза:

– Даже не знаю, что сказать... Кино – это ведь всегда немного выдумка.

– Немного? – рассмеялся Геннадий Викторович.

– Ну вы же понимаете, что реальность обычно страшнее любого вымысла? – упрямо заметила Полина. – На мой взгляд, мистика – это то, что никто не может объяснить. В

силу определенных причин. Ну, скажем, потому что люди, не знакомые с научными выводами, не способны адекватно воспринимать какие-то вещи. Если задуматься, то мистика не более чем непознанное отдельно взятым индивидуумом.

– О как! И что же, вам приходилось сталкиваться с чем-то подобным? – спросил Кушнер.

– Да! – заявила Полина, прижав руки к груди. Ей вдруг нестерпимо захотелось поделиться своими мыслями с режиссером, но она осеклась, поняв, что ни к чему хорошему это не приведет. – Мне не стыдно признаться в том, что я тоже многого не знаю. И поэтому в свое время восприняла увиденное как нечто... Не важно. На самом деле, это всего лишь фантазии, которые не стоят вашего внимания. Мне, как и многим, свойственно делать неправильные выводы. И называть это мистикой.

– Андрюша бы с вами не согласился, – с легкой усмешкой возразил Кушнер. – В его мире мистика является основным звеном к познанию человеческой природы.

Полина с удивлением взглянула на темноволосого молодого человека. На его губах играла высокомерно-презрительная улыбка. Только сейчас Полина заметила, что перед ним стоит бутылка минеральной воды. Обхватив красивыми длинными пальцами бокал, он неторопливо помешивал в нем соломинкой, избавляясь от пузырьков.

– Ну его-то вы узнали? – не отставал Кушнер.

Полина на автомате покачала головой:

– Нет... И кто он? – игнорируя этикет и забыв о воспитании, спросила она.

Над столом пролетел вздох, кажется, полный искреннего восхищения ее непроходимой дремучестью.

– Господь всемогущий! – взвыл Геннадий Викторович и едва не свалился со стула. Развернувшись к Полине, чтобы получше рассмотреть ее, он потрясенно цыкнул языком. – Вы так невинны, дитя мое, что можете позволить себе говорить самые страшные вещи! Это же Андрей Сайганов! Звезда проекта "Темное Зазеркалье"! Колдун, ёшки-матрёшки!

Не сдержавшись, Полина прыснула в кулак, но тут же дипломатично откашлялась:

– Колдун? Вы серьезно? Как в сказках?

Они пересеклись с Сайгановым колкими взглядами. Щеки и шею Полины внезапно обдало странным холодком, но в следующее мгновение она заметила неподалеку официанта с пультом, настраивающего кондиционер. Нет, определенно, этот Сайганов умел произвести впечатление. Вон как на него смотрит молоденькая Мара! А он словно не замечает этого. Действительно, следовало сначала побольше узнать о фильме, чтобы не выглядеть полной дурой...

– Значит, ваша история про колдовство? – обратилась Полина к режиссеру Кушнеру.

– Не совсем, – помялся тот. – Скорее экранизация легенд в естественном антураже. Вот, к примеру, следующий эпизод будет о Чертовой горе.

– Серьезно?! Представляете, а я была там! Но знаете, это место уже такое исхоженное, что вряд ли сохранило свою настоящую мистическую суть, – довольно резво понесло Полину. Видимо, три капли шампанского возымели свое действие, развязав ей язык. «Эх, Варвара, теперь понятно, почему каждый раз ты приносишь с собой бутылочку... Посмотрим, как тебе удастся общаться с клиентами на сухую». – Там теперь, наверное, столько туристов, что яблоку негде упасть – сплошь кемпинги и походные палатки, – вздохнула она. – Раньше было по-другому...

– Э... – Кушнер полистал в блокноте, – Почему туда едут? Потому что это место популярно?

– Вот именно! На слуху. А знаете, сколько еще есть неизученного и по-настоящему страшного? Да в той же Вологодской области. И практически рядом с этой Чертовой горой!

– Вот как? – заинтересовался режиссер. – И вы знаете такие места?

Полина сглотнула и снова прикусила губу. Ну вот кто тянет ее за язык?! Отец частенько говорил о том, что только природа никогда не врет, старательно оберегая свои владения, прячущие нечто необъяснимое... Но разве люди готовы прислушиваться к ее словам? Их манит неизведанное, страшное... Костров прав – божьим детям хочется вкусить блюда поострее...

– Знаете, мои слова могут показаться вам глупыми. И, наверное, вы будете правы. Однажды, когда я была ребенком,

мы с отцом были в одной деревне...

– Где она находится? – приготовился записывать Кушнер.

– В нескольких километрах от Чертовой горы. Там же, в Заемье... Повторюсь, я была ребенком. И довольно впечатлительным... Когда вы сказали, что ваш фильм называется «Черное озеро», я подумала...

– Это собирательный образ, – заметил Костров, орудуя вилкой в салате.

Остальные тоже всюду налегали на еду, и лишь Сайганов смотрел на Полину своими невозможными черными глазами, словно просверливая дырку.

– Я видела это озеро. И оно действительно черное... Может, потому что там вокруг болота и дремучий лес. Но мне потом всегда казалось, что именно в тех местах поселилось настоящее зло...

– Как романтично! – воскликнула блондинка постарше.

– Аллочка, тебе всегда все кажется романтичным, – хихикнул Геннадий Викторович. – Посмотрю я на тебя, как ты взвоешь в деревне.

– Ой, можно подумать, я никогда не была в провинции! Сериал «Люби меня осенью» помните?

– Это тот, о доярках? – уточнил Костров.

– И о них тоже. – Алла поджала губы. – Мы полтора месяца жопой в навозе сидели, пока черновой вариант отсняли.

– Господи, ужас какой! Это еще в эпоху соцреализма было, кажется? – Костров слизнул прилипший к губе листик

петрушки.

– Тьфу на тебя, Веник! – обиделась Алла.

– Да я шучу, зайныка! Все мы понимаем, о чем речь! Вот Маре это все в диковинку будет. Правда, лапочка?

Мара наморщила хорошенький носик и вытянула губы трубочкой:

– Я знаю, что такое деревня! Там много травы и комаров...

– А еще душ из ведра и лежак из соломы, – добавил Костров. – Коровы, овцы и бараны. Все как в Москве, чего уж...

– Продолжайте, Полина, – Кушнер нетерпеливо помахал рукой.

– Да собственно... – смутилась она, – что еще сказать? Это необычное место. Кажется, там даже воздух другой! Опасный...

– Где, говорите, оно находится? – икнув, спросил Костров у Полины.

– Я не очень хорошо помню дорогу. Но вот деревню, да, – Ненастьево... Там мы останавливались.

– Дело ясное, что дело темное, – поморщился он. – Ладно, поговорили и хватит! Давайте выпьем за то...

– Подожди, Веня, – Кушнер потер подбородок и несколько раз подчеркнул что-то в своих записях. – Скажите, Полина, а вы не хотели бы поехать с нами?

– С вами? – опешила она. – Вы имеете в виду, на съемки?

– Помилуйте, Лев Яковлевич, – Костров отложил вилку. – Полина очень занятой человек...

– Я могу! – воскликнула она, схватив за локоть художника. – Я хочу! А можно?

– Полина, – Костров покачал головой, – душа моя, ну зачем вам это надо? Ничего романтического, поверьте, в этой поездке не будет. Я вам больше скажу, съемки – это рутина!

Кушнер молчал. Не торопил с ответом, задумчиво уставившись в блокнот.

Полина обвела взглядом присутствующих в попытке встретить поддержку. Но то ли всем было наплевать, то ли подобные приглашения были нормой, однако каждый продолжал заниматься своими делами – ел, пил, копался в телефоне. Поэтому она снова обратилась к режиссеру:

– Вы действительно не против того, чтобы я поехала? Только с какой целью?

– Покажете мне это Черное озеро, – пожал он плечами. – Мне нравится, как вы говорили о нем. Это правильная подача.

– Но, если это всего лишь детское восприятие? – пошла она на попятный.

– Что ж, в таком случае мы потеряем день, – развел он руками. – Но хотя бы снимем это озеро. Черное – это его официальное название? Что-то я не вижу его на карте.

– Не знаю... Я наткнулась на него случайно...

– Хорошо, спросим у местных, в конце концов, – Кушнер захлопнул блокнот и допил свою воду. – Приходите в воскресенье вечером. Часиков в восемь. Отправляемся в ночь.

– В восемь, – повторила Полина. – С вещами, да?

– Ну, – он поднял на нее уставшие, в красных прожилках, глаза, – дня на три-четыре, не больше. Мне от вас нужно будет только одно – настроение.

Полина непонимающе уставилась на него.

– Эффект, – пояснил он. – Сохраняйте этот эффект страха и ужаса, который вы испытали при виде озера и леса.

Она поежилась. Столько лет прошло, столько приложено усилий для того, чтобы забыть, но, поди ж ты, сердце тут же замирает от одной лишь мысли о том времени. И каждое упоминание о нем заставляет вновь переживать эхо давнего ужаса так, словно это произошло совсем недавно.

Ладно, пусть будет так. В конце концов, следовало сделать это гораздо раньше – вернуться и избавиться от этого наваждения.

Все были правы – ничего не было... Ничего, кроме ее детских фантазий...

Прошло, наверное, всего несколько минут, прежде чем Полина вынырнула из своих размышлений, но сейчас она чувствовала себя уже совсем иначе. Тело будто обмякло, расплылось, в затылке поселилась тупая боль, обещающая в скором времени расплзтись по всей голове. Взглянув на часы, Полина приподняла брови – четверть двенадцатого. Пока попрощается и доберется до дома, наступит полночь. Золушку дома никто не ждал, но если она не поторопится, то завтра обязательно превратится в тыкву.

А вот для участников съемочной группы, казалось, времени просто не существовало. Возможно, их завтрашний день был спланирован таким образом, что они могли спать до обеда, поэтому никто и не торопился. Но у Полины был творческий вечер поэтессы Душко, читатели разнообразных возрастов и претензий, и вообще – следовало как-то обдумать столь неожиданное, но желанное предложение режиссера. Согласившись вот так, с разбегу, и не расспросив о подробностях, Полина Скороходова лишний раз убедилась в том, что совершенно не умеет строить планов, да и вообще плохо приспособлена к принятию серьезных решений.

Уехать с группой малознакомых людей хрен знает куда и хрен знает зачем? Да, на такое может решиться только неорганизованный человек вроде нее...

– У вас такое лицо, словно вы жалеете о том, что согласились, – вдруг заявил Андрей Сайганов, слегка склонившись над столом и поймав ее взгляд.

– Думаете, что умеете читать чужие мысли? – поежилась Полина.

Молодой человек усмехнулся, скривив красивые губы:

– В вашем случае это легко.

Полина перевела взгляд на Мару, которая, несомненно, прислушивалась к их разговору. Откинувшись на спинку стула, актриса цедила свой бесконечный виски. Ее непроницаемое лицо в вечернем полумраке было похоже на восковую маску. Официанты зажгли небольшие фонарики под потолком, и теперь огоньки отражались на гладкой ухоженной коже актрисы.

"Лучше бы ты читал мысли того, кто действительно думает о тебе", – промелькнуло в голове. Пора было прощаться и убираться восвояси. Но в этот момент метрдотель внес блюдо с шашлыком, от запаха которого Полину немного замутило.

– Не любите мясо? – заметив ее реакцию, спросил Сайганов.

– Нет, – покачала она головой. – И не спрашивайте, почему. По-моему, объяснения излишни, – Полина достала телефон, чтобы вызвать такси.

Костров, до этого дремавший, облокотившись на собственную руку, оживился и потер ладони:

– Но вот и шашлычок!

Воспользовавшись общей радостной суматохой, Полина дозвонилась в службу такси и заказала машину.

– Человек рожден плотоядным, – тихо произнес Сайганов. – Мясо дарует силу и ум, знаете об этом?

– Сомневаюсь, что свинья и баран самые сильные и умные животные в мире, – парировала она, злясь, что пришлось вступить в полемику.

– Поля, ты с ним не спорь, – пережевывая кусок мяса, заметил Костров. – Он тебя все равно переспорит.

– Даже не собиралась, – она поправила воротничок платья и вновь почувствовала на себе пристальный взгляд темноволосого колдуна. Смахнув с лица невидимую мошку, Полина отвернулась. Ее не покидало ощущение, что ее кожи все время касается что-то легкое и неуловимое. Скользит, щекочет, оставляя липкий след.

– Вы только понюхайте, какой аромат, – предложил Сайганов, накладывая в свою тарелку зажаренные куски. – Не нужно никаких специй – только угли и плоть. Мясо словно живое, еще шипит, плюется...

Полина сглотнула, уставившись на мясную гору.

– Вам нужно сделать лишь небольшое усилие над собой. За самые яркие удовольствия всегда немного стыдно, не так ли?

Полина вдохнула идущий от мяса аромат. В голове опять зашумело. Ноздри затрепетали, губы приоткрылись...

Раздался звонок оператора, и она, схватив трубку, прижала ее к уху:

– Спасибо, уже бегу! – вскочила, не скрывая радости. – Простите, пора. Мне очень, очень было приятно познакомиться со всеми вами!

Голос и взгляд Сайганова все еще кружили вокруг нее, создавая какой-то наэлектризованный туман, из которого было трудно вынырнуть. Но это продолжалось лишь пару секунд. Кушнер поднял голову и кивнул ей:

– Значит, в воскресенье мы вас ждем?

– Значит, да...

– Я провожу, – Костров с трудом вылез из-за стола, одергивая пиджак и приглаживая волосы.

Полина и тут не стала спорить. За то время, которое она провела в ресторане, ей стало понятно, что любое возражение приведет лишь к новому всплеску разговоров и внимания к ней. Хотелось тишины, чтобы спокойно подумать о том, что произошло, и как теперь ко всему этому относиться...

– Поленька, вам совершенно не нужно заморачиваться на эту тему, – сказал Костров, когда они выходили из дверей ресторана.

Было не понятно, кто кого сопровождает, потому что художник, привалившись к Полине боком, довольно криво-ва-то шел по прямой.

– Я вам очень благодарна, Вениамин Аркадьевич! Вы да-

же не представляете, как вовремя все случилось! – убежденно возразила она.

– М-да? – он ословело посмотрел на нее, с трудом фокусируя взгляд.

– Ну конечно! – Полина подтолкнула его чуть в сторону, чтобы он не врезался в колонну. – Я же мечтала о том, чтобы поехать куда-нибудь. У меня отпуск с понедельника, и сама бы я никуда одна не решилась... А тут такое приключение!

– Хм... Серьезно? Приключение? Вы действительно думаете, что эта поездка стоит вашего времени? Глубоко ошибаетесь... – Костров запнулся, почти повиснув на ее плече. – Ничего, кроме скуки, вы не почувствуете. Уж поверьте старику... Впрочем, вы молоды и полны иллюзий...

– Я не умею скучать, правда! Мне очень хочется побывать в тех местах, где я была в детстве. Вот вы не знаете всего, да и не нужно вам этого, но для меня это очень важно.

– Странная вы девушка, Полина. Что бы сказал ваш папенька... – хмуро пробубнил Костров.

Полина промолчала. Ей бы и самой хотелось это знать.

Когда охранник открыл перед ними дверь, Полина выпустила локоть мужчины и придержала его за плечи.

– Вениамин Аркадьевич, еще раз – огромное спасибо за вечер! До скорой встречи! – она быстро вышла на улицу, радуясь тому, что художник не ринулся за ней. Даже если он свалится в холле, его отнесут в номер. Когда сядила в машину, то взглянула на стеклянные двери гостиницы и уви-

дела Кострова, который смотрел ей вслед. Через секунду он развернулся и вскоре исчез в глубине холла.

Что ж, этот странный вечер закончился благополучно, а следующий день должен был приблизить Полину к чему-то совершенно незнакомому и интригующему – к тому, что в последнее время занимало все ее мысли и желания.

...«Раньше Шуша думала, что некоторые люди сразу рождаются взрослыми. Как ее мать, например. Нет, не в том смысле, что они появляются сформировавшимися дяденьками и тетеньками, а именно взрослыми – умными, степенными, опытными и уставшими от «этой беготни». Вот отец Шуши точно был ребенком, потому что в его глазах и улыбке легко можно было узнать того озорного мальчишку, который радовался кузнечикам и бабочкам, удивлялся тому, как громко квакают лягушки перед дождем, и который мог запросто влезть на дерево, изображая Робин Гуда... Просто ему пришлось повзрослеть, чтобы у него родилась девочка Шуша. Но ей-то еще о-го-го сколько времени до того, чтобы окончательно вырасти!»

Шуша не знала, что некоторые взрослеют раньше положенного срока. Как не знала и того, что это случится именно с ней.»

– Приехали!

Полина вздрогнула, судорожно сжимая сумочку и тараща слипающиеся глаза. Таксист нетерпеливо заерзал, кожаное сидение противно заскрипело, прогоняя остатки ее сна.

– Приехали, – повторил он, мутно отражаясь в салонном зеркале.

– Спасибо, – Полина протянула деньги. Таксист со вздохом стал рыться в поисках сдачи, и ей вдруг стало не по себе – в такси было душно, пахло чем-то застоявшимся, с горьковатыми нотками лимонной отдушки и жженой резины. – Не надо, – быстро проговорила она и открыла дверь, чтобы поскорее оказаться на улице.

Глоток ночного воздуха, такого упоительно свежего и прохладного, моментально прочистил голову и горло. Странное, словно подвешенное состояние, в котором Полина пребывала последние несколько часов, притупилось, но не исчезло полностью. Наверное, так бывает, когда выходишь из наркоза – ты чувствуешь себя, ощущаешь свое физическое тело, но сознание уплывает, не желая оставаться на месте, отчего обрывки случайных воспоминаний, словно карты, выскакивают из колоды и хаотично разлетаются, лишь на мгновение показав картинку. Раз – и картонки лежат рубашками вверх, и ты уже не можешь с точностью сказать, какая из них Валет, Дама или бубновая шестерка... И видела ли ты вообще их масть? Или опять все придумала...

Такси отъехало. Полина проводила взглядом машину, затем направилась к дому, старательно вспоминая разговоры, случившиеся за день. Она делала так постоянно уже много лет в совершенно разных ситуациях – был ли то рабочий день в библиотеке, или разговор с продавцом в магазине, или

вот, как сейчас, в такси. Ничего лишнего – только слова героев и их действия. Если дать возможность вклиниться автору – сознанию – то из всего этого опять получится черт-те что...

«Приехали... спасибо... В воскресенье, часиков в восемь... Странная вы девушка, Полина...»

Она помотала головой, разгоняя голоса в своей голове, и вошла в подъезд.

Варвара постоянно говорила о том, что следует менять обстановку в случае, если налицо один из признаков потери ориентира – отсутствие цели, однообразие, низкая самооценка, нездоровый отдых, рутина, возврат к прошлому... Что там еще? Ох, еще столько же пунктов, включая желание забиться под плинтус и не отвечать. Что ж, видимо их разговоры не прошли бесследно, раз Полина, поборов собственные страхи, не только поперлась в гостиницу, но и практически навязалась в киноэкспедицию. Хорошо же она выглядела со стороны – чудачка, поучающая серьезных людей тому, в чем и сама толком не разбирается. Бедный Костров! Каково ему было сидеть там рядом с ней и краснеть за то, что она вытворяла на полном серьезе...

Костров, Костров... Полина бросила сумку и прошла на кухню. Хотелось чаю и чего-нибудь сладкого. Включив чайник, она открыла ноутбук. Забив имя-отчество в поисковую строку, нажала поиск, попутно вгрызаясь в сухарик, щедро обсыпанный сахаром и маком.

Когда на экране появились его картины, у Полины отвисла челюсть. Она даже не смогла сразу подобрать слово, каким бы стоило их охарактеризовать. Фантастические? Сюрреалистичные? Бесподобные? Пожалуй, если бы все эти определения можно было объединить в одно, то оно смогло бы описать то, что так поразило Полю.

Удивительные краски – живые, даже, наверное, животные, если уж рассуждать примитивно. Такого эффекта вряд ли добьешься посредством масла или акварели. Хотя существует сколько угодно примеров натуралистичного письма на холсте и бумаге. Здесь же было другое, глубинное. Словно человек выплеснул из себя какую-то первозданную радость от единения с природой. Фантасмагорические образы животных и лесных призраков проявлялись будто в тумане или дымке причудливых сплетений растений сказочной чащи, одновременно притягивая и пугая.

Возможно ли добиться подобной оценки от простого обывателя, кем она и была? Кострову это явно удалось, о чем говорили восторженные отклики рецензентов и поклонников. Записи эти, правда, были давнишними, а более свежей информации по его творчеству гугл не выдавал. Вениамин Аркадьевич уже несколько лет занимался в основном только изобразительно-декорационными решениями в кино. Названия фильмов ни о чем Полине не говорили, да и она сама никогда не задумывалась о том, кто, кроме режиссера, оператора и актеров, собственно, и делают фильм. Работа ху-

дожника обычно не заметна зрителям, ведь предметная среда фильма воспринимается как подлинная жизнь...

Вот если бы Полина хоть одним глазком посмотрела на его картины перед тем, как пойти на встречу, она бы не вела себя как полная дура. Ей было бы что сказать ему, восхититься открыто его талантом и, возможно, тем самым показать, что она не настолько уж и глупое создание. Ведь Вениамин Аркадьевич узнал ее, помнил ее отца. А она, как всегда, оказалась совершенно не готова к нормальному человеческому общению... Именно поэтому он и воспринял ее согласие поехать как идиотскую затею.

"Вы очень заняты, Полина... Вам совершенно ни к чему ехать с нами..."

Конечно, какой от нее прок? Одни спонтанные эмоции и глупости...

Решено – следует отказаться от поездки. Поблагодарить и отказаться. Зачем ворошить прошлое? Тем более, что тема эта давно закрыта, и если снова возвращаться к ней, то будет больно и неприятно. Мало ли что она видела и слышала? Фантазерка, начитавшаяся разных историй и попутавшая реальность с вымыслом. Ведь и тогда все решили, что у нее с головой не все в порядке, так к чему вновь беречь прошлое?

Костров, обладая исключительно своеобразным восприятием, с помощью эмоций и таланта смог создать творческий продукт, переработал внутренние процессы в художествен-

ную форму, а вот она лишь погрязла в переживаниях и потеряла точку опоры, на долгие годы запихнув желание писать в пыльный ящик самокопания и неуверенности в себе...

Суббота началась с того, что Полина едва не проспала. Вырываться из тягучего бесформенного сна было неимоверно тяжело. Всю ночь ее мучили странные тревожные сны с отголосками разговоров и образов. А под утро приснился отец. Он сидел за своим рабочим столом и смотрел на нее лучистым добрым взглядом, от которого к горлу подкатывал ком. Полина так и очнулась с высохшими дорожками слез на висках.

Не особо раздумывая над тем, что надеть, Полина выбрала одно из своих "несовременных", но таких романтических платьев, и выскочила за дверь. О просьбе Ольги Ивановны купить творог вспомнила лишь на входе в библиотеку. Благо, директриса была занята настолько, что когда заметила Полину, лишь махнула рукой в сторону читального зала:

– Проверь там все. В одиннадцать Душко приедет!

Полина пожала плечами – ну что там еще проверять? Придут человек десять – всем места хватит.

Внезапно ее окатило жаром – сегодня же ее последний день перед отпуском! По плану было чаепитие с тортиком для Ольги Ивановны и Зои Тимофеевны, которая как раз выходила с понедельника. И, разумеется, вполне могла появиться сегодня, чтобы принять дела. Хотя, какие дела? Все под контролем директрисы – мышь не проскочит.

Полина выглянула в окно – в небе собирались небольшие тучки. Отпроситься до магазина? Нет, не вариант – вдруг потемнеет, придут раньше или кто-нибудь заявится за книгами на выходные?

Как же она могла забыть? А все потому, что вчера не только в ресторане засиделась, а еще полночи лазила в интернете в поисках информации о своих новых знакомых. А кто бы поступил иначе? Интересно ведь почитать о фильме, о режиссере Кушнере, о Кострове и об Андрее Сайганове. При мысли о нем Полину коротко передернуло, словно за шиворот попали капли холодной дождевой воды. Было в этом красавце что-то определенно таинственное... С другой стороны, он же колдун? Странно, что у него на лбу третий глаз не нарисован. И плащ бы ему до пола, и волшебную палочку. А еще длинную бороду и колпак. Никакой информации о том, где он родился, и кто его родители, Полина не нашла. Впрочем, даже это не показалось ей удивительным – скорее всего, у него все так же, как у всех, вот только образ требует правильной подачи, и именно поэтому интернет наводнен его фотографиями и ссылками на программы о магии и колдовстве. Интересно, а магические способности у него откуда? Наверняка от какой-нибудь троюродной прабабки цыганских кровей, собственно, как и цвет глаз. Кстати, а все цыгане владеют цыганской магией, или только женщины? Раздумывая над тонкостями магического дара, Полина, расставила стулья и попутно опрыскала из пульвериза-

тора любимый фикус Зои Тимофеевны, главного методиста и архивариуса. Вот она-то, кстати, кучу разных интересных вещей знает. И фикус в библиотеке не случайно появился – оказывается, если ты уверен, что кто-то желает тебе зла, или сам чувствуешь приближение несчастья, то надо всего лишь обойти вокруг цветка несколько раз.

Полина сняла с веточек несколько пожелтевших листочков и вылила остатки воды в землю. Фикус так давно стоял в углу, что образовалась паутина, в которой жил маленький паучок. А пауков трогать тоже нельзя. Как гласит еще одна легенда...

– Полина! – выдернул ее из задумчивости голос Ольги Ивановны.

К одиннадцати в библиотеку набилось довольно много народу. Полина и Ольга Ивановна удивленно переглядывались, немного растерявшись от такого наплыва. Поэтесса появилась в половине двенадцатого, окруженная странноватой свитой, состоящей из пары восторженных дамочек с пережженными пергидролью волосами и сухопарого, похожего на вопросительный знак, старикана. Ефросинья Душко держала в руках букет из разноцветных, слегка поникших гладиолусов, и Полине пришлось бежать в подсобное помещение за глиняной вазой, которой сами они пользовались крайне редко. Наспех вытерев круглые коричневые бока рукавом, она поставила ее на стол перед Душко и щедро бухнула в нее воды из графина. Поэтесса, поджимая губы, поинтересо-

валась, почему не было афиши с упоминанием ее имени, и объявление, отпечатанное на принтере и вывешенное в окне библиотеки, совершенно не бросалось в глаза.

Целый час Полина наблюдала за тем, как розоволосая Ефросинья, закатив глаза, нараспев читала стихи и при этом картинно заламывала руки. Публика оказалась серьезной – внимала и громко шикала на тех, у кого вдруг брякал телефон или внезапно нападал кашель. Щелкали фотоаппараты в руках свиты, и Душко меняла позы, поворачиваясь туда-сюда, сверкая самоцветами на руках, ушах и полной шее.

– Неужели все эти люди – ее поклонники? – шепотом спросила Полина Ольгу Ивановну, когда та присела рядом с ней. Сомневаться во вкусе директрисы не приходилось, но ее немного смущало то, как внимательно Ольга Ивановна следит за происходящим и как трепетно прижимает к груди ладони.

– А шут его знает, – вполголоса заявила та. – Но читает ведь и правда хорошо.

Когда поэтическое утро наконец подошло к концу, публика одарила Душко бурными аплодисментами. А дальше началось самое интересное – все вдруг повскакивали с мест и ринулись к столу. По всей видимости, за автографами. Через пару минут обладатели тоненького сборника и – Полина даже протерла глаза – пачки печенья, которое доставалось из обычного пластикового пакета, стали резво покидать библиотеку.

Едва сдерживая рвущийся смех, Полина спряталась за стопкой новеньких школьных учебников, которые следовало записать в журнал. «Реклама – двигатель торговли» – вот какой плакат должен был висеть в читальном зале над головой поэтессы.

В очередной раз хлопнула дверь. Раздался громкий возторженный возглас, а затем не менее театральный выдох. Полина подняла голову и увидела... Сайганова. Тот, словно Демон, появившийся из-за туч, дал всем оставшимся вволю налюбоваться собой, а затем, вскинув бровь, огляделся. Полина, открыв рот, замерла. Душко, явно решившая, что букет предназначался ей, стояла, протянув руки и пылая искусственным ярко-розовым девичьим румянцем.

Заметив Полину, демонический красавец прищурился и направился напрямик к ней.

– Не знал, что у вас здесь так интересно, – усмехнулся он, вкладывая букет в ее руки.

– Я тоже... – ошарашенно ответила Полина.

– Ну и ну... – протянула Варвара, разглядывая стоявший перед ней букет. Вытащив одну из желтых роз, она с шумом втянула аромат, сунув нос в сердцевину цветка. – Лимоном пахнет...

Полина отхлебнула чай и скovyрнула с "отпускного" торта кремовую завитушку:

– Вот так. Сама в шоке.

– Повтори еще раз, что он тебе сказал! – Варя провела пальцем вдоль лишенного шипов стебля.

– Сказал, что все были рады познакомиться со мной.

– И все?

– И все.

– А потом ушел?

– Ага. Я видела, как он сел в такси, – вздохнула Полина и, размяв бисквит, стала вилокй выдавливать на нем решетку.

– Может, цену себе набивает? – задумчиво предложила свою версию Варвара.

– В смысле? Ты о чем? – не поняла Поля.

– Как о чем?! Ты ему понравилась! – округлила глаза подруга. – Он на тебя запал, точно тебе говорю!

Полина всплеснула руками:

– Ну почему ты все время сводишь к одному и тому же? Он же ясно выразился – все были рады. Все, понимаешь?

– Врет! – отмахнулась Варя.

– Да почему же...

– Потому что миром правит секс, моя дорогая. А еще власть и деньги. Второе и третье тебе пока не грозят, значит, остается первое! Ты у нас девушка видная, яркая, – Варвара, держа цветок за конец стебля, пару раз дотронулась бутоном до головы Полины. – Наивная и спелая, как пэрсик! Немудрено, что на тебя всякая нечисть западает!

– Ой, ну скажешь тоже. Где я и где он. Да дело даже не в этом. Сорвалась моя поездка, вот что плохо. Кажется, они подумали-подумали и решили не брать меня.

– Да наплевать на них! – Варя пнула под столом Полину. – Скатай сама куда-нибудь! В Москву, например, или в Питер. Развейся, прошвырнись по магазинам, по музеям. Я бы сама с тобой поехала, но ты же знаешь – мои архаровцы еще слишком малы, чтобы их в Кунсткамеру тащить.

– Понимаешь, Варя, – Полина отставила чашку и вздохнула, – тут такое дело...

– Понравился? – Глаза подружки расширились. – Признавайся, Скороходова, этот колдун тебе в сердце запал? Красивый чертяка...

– Да нет же! – Полина бросила в подругу шарик из конфетного фантика. – Все совсем не так. Если ты перестанешь задавать дурацкие вопросы и делать дурацкие выводы, то я расскажу тебе кое-что. Давно собиралась, но как-то все не решалась. Дело прошлое, конечно, но...

– Ну-ка, ну-ка, – подобралась Варвара.

Полина встала и подошла к холодильнику. Зачем-то достала сметану, потом убрала обратно. Собравшись с духом, выпалила:

– Короче, я пишу книгу...

– В курсе. Все жду, когда ты мне ее прочтешь.

– Не перебивай, а то я собоюсь, – погрозила пальцем Поля. – И не смотри на меня так!

Варя прижала ладонь к губам и свела зрачки к переносице, прогундосив:

– Чем это вам не нравятся мои "глазки маленькие, иронические и полупьяные?"*

– Нравятся, Варенька, нравятся! Но понимаешь, чтобы закончить книгу, мне надо... Как бы тебе объяснить? Нужна смена обстановки. Помнишь, ты сама говорила об этом?

– Конечно. И еще сто раз повторю.

– Вот я и решила, что это подходящий шанс.

– В общем, да, все правильно. Но признайся – колдун тебе понравился? – азартно прищурилась Варвара.

– Мне очень нужно туда попасть, – не обращая внимания на слова подруги, продолжила Полина. – Дело в том, что киногоруппа будет недалеко от того места, которое я описываю. А если они меня не возьмут, то как же я попаду туда? Одна? Там болота, леса. Глушь, короче. Не знаю, как еще объяснить.

– А что тут объяснять? Я бы, и сама тебя одну не от-

пустила. Даже представить не могу, чтобы ты шаталась по каким-то лесам, – покачала головой Варя. – Не обижайся, Поль, но ты такая домашняя, уютная и, прости, предсказуемая. А тут болота какие-то. Что за бред? Ладно, это понятно. Так что там с книгой? В чем суть?

Полина взяла чайник и стала набирать воду. Включив его, продолжила:

– Это история про одну девочку, которая видела кое-что странное. Но потом оказалось, что этого не было. То есть ей никто не поверил и...

– Напоминает сказку про мальчика, который кричал: «Волки! Волки!» – рассмеялась Варя.

– Да, – кивнула Полина, – именно так. Ты, кстати, не знаешь, что там дальше с этим мальчиком было?

Варя хмыкнула и запихнула розу обратно в вазу.

– Думаю, ничего хорошего. Если он, конечно, не делал все это лишь для того, чтобы привлечь к себе внимание своей шуткой.

– Нет, – уверенно сказала Полина. – Точно не шутил...

– Тебе виднее, – Варя внимательно следила за выражением лица Полины. – То есть, ты знаешь ту, про кого пишешь, да?

– Да... но это очень давно было.

– А если поговорить с ней? Восполнить, так сказать, пробелы?

– Нет, не получится. Она рассказала все, что знала...

– Значит, тебе просто нужно попасть туда, где все произошло. Увидеть воочию... Получается, надо ехать.

– Думаешь?

– Уверена. Но не забывай, что дети могут ошибаться.

– Девочка была уверена в том, что видела.

– Ты не хочешь мне рассказать об этом поподробнее? – осторожно поинтересовалась Варя.

– О, боюсь, что это очень мутная история. – Губы Полины дрогнули в грустной улыбке. – Но эта девочка до сих пор считает, что была права...

– Милая, – Варя встала и обняла ее. Уткнувшись подбородком в плечо, погладила Полину по спине. – Плюнь ты на всех! Делай так, как считаешь нужным. Не слушай никого!

– Кроме тебя?

– Кроме меня, да! По-моему, ты поднимаешь очень интересную тему. Детские травмы надо перерабатывать. Ну видела и видела что-то твоя девочка, подумаешь?

– Я ведь почему решила написать эту книгу? Чтобы, как ты говоришь, переработать! Я думала, что пойму, почему так долго не могу забыть эту историю. Но она все время вылезает наружу, спать не дает!

– Если спать не дает... А ты с кем-нибудь еще говорила об этом?

– Нет.

– Хм... А что она конкретно видела? Привидение? Чудище? – Варвара понизила голос. – Или, может, испугалась

чего-то эдакого... Допустим, кто-то с кем-то занимался любовью? Знаешь, в детском возрасте это может нанести прям серьезную травму! Мы вот с мужем запираемся, когда...

Полина отстранилась и посмотрела в глаза подруге:

– Дракона, Варя! Она видела дракона!

Варвара икнула, а затем расхохоталась в полный голос:

– Скороходова, я тебя обожаю! Дракон? Ну конечно! У меня самой парочка маленьких и один большой дома имеется, так что я тебя очень хорошо понимаю!

* М. Булгаков "Мастер и Маргарита", о Коровьеве.

Варвара засобиравалася домай сразу после звонка мужа. Он ждал ее у подъезда, выгуливая собаку. Перед тем как уйти, Варя минут пять гримасничала в оконном стекле, делая вид, что не хочет покидать Полину. Та стояла рядом и улыбалась, наблюдая за тем, как молодой мужчина шлет жене воздушные поцелуи и изображает поющего менестреля. Летний вечер был теплым, ласковым, и Полина вдруг подумала, что Варя с мужем наверняка пойдут домай медленно, держась за руки. А их пес, метис таксы и спаниеля, будет важно брести рядом, трясая кудрявыми большими ушами и поглядывая на хозяев умными черными глазами...

Полина положила остатки торта в контейнер, щедро отсыпала конфет и сухариков и вручила подруге.

– Спасибо тебе, Варь! Не знаю, что бы я без тебя делала...

– А я? – тут же парировала подруга. – Ты мой луч в темном царстве, Скороходова. Я же псих, а ты на меня благотворно влияешь.

– Да ты само спокойствие и благоразумие, Варя!

– Ой, не скажи. Иногда так уматываюсь, что хочется встать посреди площади и заорать во все горло.

– Что заорать? – испуганно спросила Полина.

– Не что, а как. Громко, в полную силу. Чтоб в ушах зазвенело. Ты же знаешь мой темперамент! Это ведь не злость,

а... – Варя прижала к груди пакет с гостинцами. – В каждом из нас есть нечто такое, что мы прячем ото всех. Ма-а-ленький зверек такой. И иногда его надо выпускать на волю, чтобы продышался. Мне повезло с мужем, Поль, он это понимает.

– Да, Варь, очень повезло, – вздохнула Полина.

– Я очень-очень хочу, чтобы ты встретила такого человека, который бы тебя понимал. Но чтобы это произошло, тебе самой следует разобраться в себе. Поезжай, дорогая. Проветрись. Проорись там за меня как следует, в этих своих лесах. И дракону привет передавай! – поцеловала она Полину в щеку и выскочила за дверь.

– Передам... – тихо ответила Поля, прислушиваясь к звуку шагов Вари и радостному лаю ее собаки.

В запасе у Полины оставались почти сутки, чтобы принять окончательное решение. Раздумывая, она занялась уборкой, вдруг решив пройтись «по верхам». На антресолях, кроме журналов и книг, нашелся старый отцовский рюкзак с походной амуницией. Вывалив все в кучу посреди комнаты, Полина села на пол и вдохнула пыльный запах, сквозь который пробивались еще ароматы сухой травы и ночного костра.

Разбирая содержимое, она нашла китайский литровый термос с царапинами на боку, две потемневшие металлические миски, слипшийся дождевик и старые овечьи чуни. Их Полина помнила особенно хорошо – когда она приходила к отцу, то стаскивала их с батареи и натягивала вместо тапок.

Да, шерсть свалялась и пестрит залысинами, но теплее и уютнее их не было ничего на свете. Надо же, оказывается, отец их так и не выкинул.

Внутри чуни были набиты скомканными газетами. Видимо, таким образом отец хотел защитить тапки от моли. Но современная моль стала настолько всеядной, что газеты ей уже нипочем, да и типографская краска, наверное, уже не настолько ядовита, чтобы справиться с надоедливыми насекомыми.

Также в рюкзаке лежала свернутая брезентовая куртка с засаленными карманами, насквозь пропахшая табаком. Прижав ее к лицу, Полина замерла, чувствуя, как к глазам подкрадываются слезы. Наверное, не стоило ворошить воспоминания, а наоборот, следовало прислушаться к матери – сделать хороший ремонт, впустить в свою жизнь что-то новое и светлое. Но разве сама она не состоит из того, что было с ней? И разве можно вычеркнуть все то, от чего так болезненно щемит сердце?

Вздохнув, она вдруг отчетливо поняла, что эта поездка нужна ей позарез. И не важно – с кем и как она попадет в Заемье. Ничего страшного не произойдет, даже если ей придется оказаться там в одиночестве. Всего лишь несколько часов, возможно день, в окружении воспоминаний и в поиске вдохновения. У нее есть деньги, чтобы ни от кого не зависеть, и время, чтобы посвятить его себе. Вернуться в детство, к Шуше. К девочке, которую как она ни старалась, но так

и не смогла забыть. Вернуться в то место, где она впервые испытала самые сильные чувства – восторг, страх, ужас и... любовь.

Если заявиться в гостиницу к назначенному режиссером Кушнером часу, то, возможно, удастся получить место в автобусе. Она готова приютиться в уголке и помогать чем угодно. А если, все-таки, не получится, то тогда она отправится на автовокзал и поедет сама. Когда-то ведь надо становиться самостоятельной, в самом деле?

После того, как она приняла решение, на душе сразу же полегчало. Полина не представляла, что ей может потребоваться из вещей – та поездка с отцом «в поля» была первой и последней. Следующее лето она провела на море, под Ялтой, у родственников матери. Но воспоминания об этом были скудными и размытыми. Море, разумеется, было красивым, еда, кажется, вкусной, но на фоне таблеток и постоянного полусонного состояния все это прошло мимо. Разговоры полупшепотом, кривые взгляды – вот, пожалуй, и все что запомнилось.

Через пару недель после возвращения отношения между родителями перешли в стадию холодной войны. Единственное, что Полина поняла – тогда в Ненастьево с ней случился нервный срыв. Такой, что потребовалась помощь психиатра. Вzbешенная мать рвала и метала, обвиняя отца, что он забил голову дочери рассказами о том, чего нет, и поэтому детская психика не выдержала. Полина даже не пыталась

встревать между ними, но с тех пор чувство вины прочно засело у нее внутри. Легче всего было признать, что мать права. А чтобы вернуть свое душевное здоровье, ей следовало прекратить фантазировать и больше не возвращаться к тому, что произошло.

Но наше подсознание умнее, чем кажется. Можно затуманить разум таблетками и уколами, но память все равно найдет лазейку, чтобы поставить перед фактом – это было... было...

– Было! – прошептала Полина, судорожно сжимая кулаки.

Половину воскресенья Полина посвятила уборке. Ведь даже если будешь отсутствовать всего пару дней, стоит привести свою квартиру в порядок, думала она. И руки заняты, и к печенюшкам не так тянет. Следовало бы вообще прекратить это бесконтрольное поедание сладкого и взяться за себя всерьез.

В голове, перебивая друг друга, роились разные мысли и вопросы, и Полине никак не удавалось унять этот вертлявый громкоголосый хоровод. Чтобы как-то успокоиться, она приняла душ и сделала маску для волос. Затем, навертев на голове тюрбан, полила цветы и вытерла пыль. Когда вытащила пылесос, позвонила мать.

– Что делаешь? – спросила без предисловий.

– Прибираюсь, – Полина стояла посреди комнаты и разглядывала оставленный с вечера на ковре рюкзак, отцовскую куртку, россыпь шерстяных ворсинок и клочки газеты.

– Что решила насчет ремонта? Я тут мастера хорошего нашла, недорого, кстати.

– Ничего не решила, – промямлила Полина. – Пока ничего. Когда вернусь, обещаю подумать.

– Когда вернешься? Ах, ты ж... монастырь твой. Помню, – демонстративно вздохнула мать. – Ладно, вольному воля. Приедешь, сразу отзовонись, поняла?

– Конечно, мам.

– И это... – мать вдруг выругалась и громко крикнула в сторону: «Навозу добавь под смородину!». – Давай без чудес, ладно? – обратилась уже к дочери.

Полина поморщилась, а затем неожиданно для самой себя спросила:

– Мам, скажи, пожалуйста, а ты не помнишь, с кем я тогда ездила?

– Что? Куда ездила? Когда? – голос Ираиды поднялся на тон выше.

– В Заемье... – проблеяла Полина и прикусила губу.

– Полина, – в голосе матери появились угрожающие нотки, – что опять не так?

– Нет, я просто хотела...

– Прекрати немедленно! Даже думать об этом не смей! Может, тебе опять начать пить успокоительные? Ты как себя чувствуешь? Я могу записать тебя к врачу без очереди! Или вообще в стационар положить. У тебя все равно отпуск! Вот и отдохнешь – готовить не надо! А я пока ремонтом займусь...

– Не надо, все хорошо, правда! – испуганно крикнула Полина, почувствовав, как зашевелились волосы на затылке. Схватив отцовскую куртку, она прижала ее к груди. Пальцы забегали по ткани, натыкаясь на кнопки и толстую тракторную молнию.

– А почему тогда спрашиваешь? Зачем вообще об этом

вспомнила? Мало тебе было... Ты чем вообще занимаешься?! О чем ты там думаешь?!

– Ой, мам, говорю же – прибираюсь! – для пущего эффекта Полина включила пылесос.

– Да вынеси ты там все на помойку, ей-богу! Столько лет прошло. Не помню я ничего и помнить не хочу! Чего и тебе желаю. Короче, приедешь, позвони, поняла? – на другом конце провода что-то брякнуло, затем с грохотом упало. – Да елки-палки, кто ж так лопату ставит? Ты б ее в землю воткнул, что ли...

Когда раздалась гудки, Полина выдохнула. Действительно, о чем она думала, когда задавала вопросы матери?! Если Ираида поймет, что в голове у дочери, то отвертеться будет уже невозможно. Чего доброго, еще и переехать к ней заставит! Спорить с маменькой – дело немыслимое и изначально провальное. Прийти к согласию можно было только путем дипломатических переговоров и согласившись на все ее условия в надежде, что она забудет об обещаниях, увлеченная новым проектом или самой собой.

Отбросив телефон подальше, словно мать могла подсмотреть за ней, Полина уткнулась лицом в куртку, вдыхая знакомый запах. Ничего, ничего... Сделав пару глубоких вдохов, она вытерла слезы и стала складывать одежду. Внезапно нащупала в одном из карманов какое-то уплотнение. Щелкнув кнопкой, заглянула внутрь и увидела знакомый корешок обложки. Отец делал журналистские блокноты по привычке,

приобретенной еще в студенчестве, – разрезал дешевую общую тетрадь в 48 листов пополам. Сколько бы ежедневников не дарила ему Полина, все они торжественно водружались на стол, а затем плавно возвращались к ней для институтских конспектов. Пролистнув страницы веером, Полина нахмурилась – на внутренней стороне обложки синела надпись от руки – «Заемье».

«Вот и привет от папочки...»

При жизни отца все разговоры о той поездке были под запретом. И даже потом Полина запрещала себе даже думать о ней. Это было легко – учеба в школе, затем в институте занимала все ее время. Но запрещай не запрещай, а закрывая глаза, она вновь оказывалась в том самом дне, в том самом месте. И воспоминания эти были такими теплыми, такими восторженными ровно до того момента, когда...

...Пылесос гудел, собирая пыль. Один из газетных шаров прилип к щетке, не желая всасываться внутрь. Полина присела на корточки. Развернув, увидела короткую заметку, оборванную по краям, но обведенную такой же синей, как в блокноте, почти выцветшей пастой.

«...поиски не дали результатов... следует помнить, что болота являются опасными... без сопровождения...как и любое труднопроходимое место... Заемье таит в себе множество тайн, которые до сих пор...»

– Но я же не собираюсь что-то расследовать, – произнесла Полина вслух. – Всего лишь побывать там немного.

Варя права – все, что с нами происходит в детстве, незримо присутствует и во взрослой жизни, преследует, оказывая воздействие на каждый наш шаг. И она, Полина, чувствовала необходимость вернуться в то время, чтобы заново пережить свои эмоции, смириться с ними, принять их и, возможно, простить себе эту слабость быть другой, не такой, как остальные люди. Но внутри ее до сих пор бушевало и боролось осознание того, что на самом деле она сильная и имеет право сама распоряжаться своей жизнью, не боясь последствий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.